

Эдриан Фавелл

НАЦИОЦЕНТРИЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹

В академических исследованиях иммиграционной политики дебаты о миграционной политике делятся уже более десятилетия. Тон в спорах между нациоцентричными и постнациональными / глобальными взглядами на иммиграционную политику задавался подготовленными в Соединенных Штатах компаративистами, работающими почти исключительно с европейским материалом: отправными точками здесь были новаторские работы об иммиграции и национальном государстве Роджерса Брубейкера (Brubaker 1992) и Ясемин Сойсал (Soysal 1994) и об иммиграции и рынке Джеймса Холлифилда (Hollifield 1992), Гэри Фримена (Freeman 1995) и Саскии Сассен (Sassen 1996). Эти дебаты привели также к появлению нескольких обстоятельных сборников работ, подробно излагающих состояние проблемы с опорой на указанные работы (Йоррке 1998а; Коортманс / Статтам 2000). Возвращаясь к этим дебатам, я не ставлю перед собой целью повторение знакомых аргументов, а намереваюсь показать важность проблемы «интеграции» иммигрантов — темы, которая не была рассмотрена сколько-нибудь глубоко ни одним из этих авторов, — для понимания весомости нациоцентричных аргументов в этих дебатах.

КРАТКИЙ ОБЗОР ПОСТНАЦИОНАЛЬНОЙ / ГЛОБАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Поскольку нациоцентричный взгляд почти всегда принимал форму корректировки заявлений, делавшихся от имени нового, «постнационального» или «глобалистского» видения иммиграционной политики, имеет смысл начать с краткого изложения основных форм, которые принимали рассуждения в постнациональном / глобальном ключе, и особенно эмпирических проблем в европейском контексте, вызывавших острые споры.

Рассуждения в постнациональном / глобальном ключе — с некоторыми вариациями — принимали две основные формы: во-первых, форму экономических рассуждений относительно глобальных рынков и государства;

1. Adrian Favell, «The Nation-Centered Perspective,» in M. Giugni and F. Passy (eds.), *Dialogues on Migration Policy*. Lanham: Lexington Books, 2006, p. 45–56.

во-вторых, более институционалистских рассуждений касательно появления новых политических и /или юридических структур, делающих возможными притязания на постнациональные права или соответствующие формы мобилизации.

Рассуждения первого типа, связанные с работами Саскии Сассен (Sassen 1991, 1996) и Алехандро Портеса (Portes 1996), касаются в основном фактически наблюдаемой транснационализации суверенитета над процессами иммиграции, вызванной ростом значения глобальных экономических сил и усиливаемой транснациональным движением капитала и распространением информационных сетей, а также ростом географической автономии глобальных городов. Эти макроструктурные изменения, как утверждают, привели к необратимым изменениям в отношениях между рынками и (национальным) государством, свидетельством которых служит, например, рост могущества многонациональных корпораций и их влияния на переговоры о международной торговле. Развитие передовых секторов в сфере обслуживания в глобальных городах привело к почти неконтролируемому притоку бедных мигрантов, которые заполнили низшие позиции в сфере обслуживания в поляризованной постиндустриальной экономике. В ответ национальные государства прагматично приспособились к новой потребности в международном управлении этими глобальными экономическими процессами: появились новые международные институты, вроде ЕС и ВТО, определяющие перемещение людей наряду с либерализованными потоками капитала, товаров и услуг.

Рассуждения второго, институционалистского типа связаны с современными политическими и юридическими структурами и основываются на историческом осмыслении расширения и углубления прав в эпоху, наступившую после окончания Второй мировой войны. Примечательно, что объяснение иммигрантских прав в послевоенную эпоху в Европе у Ясемина Соисал (Soysal 1994) начинается, по сути, с нациецентричного описания сравнительных прав иммигрантов в Европе. Но в основе этого объяснения лежит интернационалистская идея появления категории «личности», изоморфного продукта глобальной политической системы в послевоенном мире. Она, в свою очередь, становится важным юридическим и политическим ресурсом, используемым в основном в риторике прав человека, при помощи которой мигранты могли требовать больших прав и представительства на национальном уровне. По сути, здесь мы имеем дело с идеей нормативной легитимации политических аргументов и их связи с развитием современных политических форм в глобальном масштабе.

Эта политическая /юридическая аргументация имеет множество вариаций. В работах Дэвида Джекобсона (Jacobson 1997) политико-институциональная аргументация Соисал подкрепляется идеей автономности международного права. Для него постнациональный изоморфизм выражается в складывающемся понятии правового «органа» в качестве основного продукта организационной автономии и средоточия системы международного права в послевоенном мире. Джекобсон иллюстрирует

свою идею примерами из судебной практики международного права США и других стран. Между тем политические социологи также излагали постнациональные соображения относительно складывавшихся форм транснациональной мобилизации, в которой новые международные нормы или идеи позволяли мигрантским организациям требовать интеграции и включения, используя язык международных норм и идеалов (Soysal 1993; Kastoryano 1997, 1998; Tarrow 1998).

ВВЕДЕНИЕ ЕС

Не случайно, что именно Европейский Союз, как правило, служил основным институциональным контекстом для этих рассуждений. Европейский Союз—это весьма своеобразная и бесспорно уникальная наднациональная организация, которая изменила отношения между национальным суверенитетом и рынком в Европе и привела к созданию новых транснациональных политических и правовых структур на послевоенном континенте. Институционализация свободы передвижения—капитала, услуг, товаров *и* людей—в пределах рынка, не имеющего внутренних границ, сама по себе требует пересмотра территориальной целостности национального государства. Тем не менее, несмотря на фундаментальную связь свободы передвижения с процессом европейской интеграции, иммиграция вообще и интеграция иммигрантов в частности до недавнего времени занимала второстепенное место в повестке дня ЕС.

Но исследователи, отстаивающие постнациональную/глобальную точку зрения, сочли существование ЕС потенциальным подтверждением своей правоты. Появление новых международных судов—Европейского суда, столпа институциональной системы ЕС, и Европейского суда по правам человека (который на самом деле не является институтом ЕС)—вызвало большое воодушевление. Утверждалось, что такая судебная деятельность бросала вызов необузданной национальной политической юрисдикции в области иммиграционной политики, обычно зависевшей от решений национальных государств. Кроме того, в деятельности Европейской комиссии и соответствующих лоббистов и неправительственных организаций ЕС был связан с источниками финансирования и институциональными структурами возможностей, вызывавшими особый теоретический интерес у постнациональных/глобальных комментаторов. Возможно, их доводы и не нуждаются в европейских примерах, но есть все основания полагать, что ЕС должен быть одним из мест, где проявления постнационального/глобального развития впервые стали зримыми. Поэтому я ограничусь здесь дебатами вокруг ЕС, хотя глобальные и транснациональные подтверждения можно встретить и в других контекстах.

Проблема всех этих ссылок на ЕС состоит в отсутствии эмпирических подтверждений. Все общие постнациональные/глобальные рассуждения, обращающиеся к примерам из ЕС, наподобие тех, что были приведены выше, более или менее успешно опровергаются конкретным материалом

из европейского контекста, который уделяет более пристальное внимание тому, что на самом деле происходит в процессе европейской интеграции.

Прежде всего, как отмечает Фримен (Freeman 1998), идея транснациональной экономики, не контролируемой государством, заметно недооценивает способность национального государства справляться с этими новыми тенденциями. Как признают многие ведущие исследователи ЕС, наиболее убедительным объяснением создания множества общеевропейских институтов может служить попытка сознательного «спасения» национального государства в Европе через тщательно законодательно оформленное объединение суверенитета в конкретных вопросах (Milward 1992, Moravcsik 1998). В области иммиграционной политики национальные государства научились использовать ЕС для передачи функций контроля «вниз, вверх и вовне» (Guiraudon and Lahav 2000), чтобы сделать государственные функции более эффективными: вверх — наднациональным институтам и законам, вниз — региональным и местным участникам, а вовне — частным компаниям.

Кроме того, такие исследователи, как Жирандо (Guiraudon 2000b) и Йорпке (Joppke 1998b), показали, что рассмотрению прав иммигрантов в судах способствовало развитие укорененных национальных норм демократической справедливости, а не новых наднациональных законов. Эти аргументы связаны с «укорененным либерализмом», описанным в более ранней работе Холлифилда (Hollifield 1992). Они также пришли к выводу, что внутринациональная политическая динамика сыграла ключевую роль в распространении прав иммигрантов в Европе, как правило, через государственную бюрократию и суды, занимающиеся разработкой политики за пределами внимания со стороны общества (Guiraudon 1998, 2000a). К тому же всякий международный закон, касающийся, к примеру, прав человека, неизбежно ратифицируется, интерпретируется и проводится в жизнь внутри национального государства. Между тем Купменс и Стэтхем (Koormans and Statham 1999) и Джиньи и Пасси (Giugni and Passy 2000, 2002) убедительно показали, что иммигрантские меньшинства прекрасно осознавали важность национальной сферы в своей деятельности, сознательно избегая постнациональной легитимации, которая считалась менее действенной на национальном уровне.

Наконец, Фавелл (Favell 2000) и Фавелл и Геддес (Favell and Geddes 2000) показали, что мнимыми новыми транснациональными иммигрантскими мобилизациями в ЕС на самом деле руководили не иммигранты, а политические предприниматели-посредники, монополизировавшие структуры возможностей в новом европейском пространстве. Их брюссельское исследование получило подтверждение на национальном уровне в Италии и Испании в работе Данезе (Danese 1998), которое показало, что иммигрантские организации не в состоянии были воспользоваться этими возможностями, тогда как церковным и профсоюзным организациям, действующим в национальном гражданском обществе, успешно удавалось представлять интересы мигрантов.

Этот скептический ответ политических исследований на социологические доводы постнационализма касался и более общей и глубокой пробле-

мы глобальных/постнациональных рассуждений: отхода от эмпирического анализа к знакомому сочетанию нормативного идеализма и функционалистских объяснений. Для глобалистов двигателем прогрессивных изменений обычно служит остаточное нормативное представление о связи между распространением прав и привилегий в мире и развитием современных норм прав человека и демократии. Когда эта идея излагается в таких объяснительных терминах, то есть в терминах институционального изоморфизма этих норм в глобализирующемся мире (Meyer et al 1997), все наблюдаемые изменения на национальном уровне начинают объясняться функциональными изменениями на уровне миросистемы, какими бы прозаично политическими ни были локальные причины. Но зачем эгоистичным национальным политическим участникам добровольно отказываться от контроля над политикой и законодательством в пользу международных органов, которые лишают их суверенитета, если последние не управляются ими? Глобалисты попадают в парсонсовскую ловушку холистической мысли, настаивая на мировой смене гештальта в глобальной системе, в ситуации, когда многие (хотя и не все) изменения могут быть лучше объяснены стандартными интересами, связанными с политической динамикой, наподобие тех, что излагаются исследователями, которые более скептически относятся к преодолению национального государства в ЕС.

Я не намерен выносить здесь окончательный вердикт относительно этих дебатов, хотя имеющиеся эмпирические данные европейского развития явно свидетельствуют в пользу нациоцентричного взгляда на политику. Я намерен пойти еще дальше и показать, почему нациоцентричный взгляд сохраняет фундаментальную важность почти для всей *постиммиграционной* политики, то есть вопросов интеграции иммигрантов.

ИНТЕГРАЦИЯ И НАЦИОЦЕНТРИЧНЫЙ ВЗГЛЯД

И все же нельзя не признать, что постнациональные/глобальные рассуждения об иммиграционной политике могут показаться привлекательными. Жесткая национальная юрисдикция в политике принятия и контроля, воссоединения семей или депортации, конечно, является эмпирически дискуссионной и в некоторых случаях спорной. Международная миграция действительно пошатнула непроблематичные нациоцентричные представления о суверенитете и правоприменении, даже если прочность национальных государств в итоге остается самым убедительным доводом. Можно бесконечно спорить о влиянии глобальных потоков и мобильности, свободно перемещающихся элит и их денег или распространения транснациональных сетей и т.д. на жизнеспособность всяких самоочевидных представлений о мире, состоящем из закрытых и контейнероподобных обществ национальных государств, но международные нормы и право, бесспорно, оказали определенное влияние на права временных жителей и не-членов нации.

Тем не менее, несмотря на все эти разногласия, одна из важнейших областей политики по-прежнему остается недостижимой для международных

или постнациональных сил. Безусловно, ни одно национальное государство в Европе — открыто республиканское или мультикультурное по своей ориентации — не собиралось отказываться от самостоятельности в принятии политических решений в вопросах социальной, экономической и политической *интеграции* иммигрантов, как только последние становились новыми (или собирались стать новыми) гражданами принимающей страны. По крайней мере, в этом вопросе никто не возражает, что национальное государство, то есть национальное правительство, его органы и институты, по-прежнему выполняет основные обязанности и обладает исключительным правом определения и контроля над социальными процессами, которые происходят с этим населением на его территории. В этом случае заявления постнационалистов остаются просто заявлениями.

Здесь важную роль играет парадигма ограниченной социальной интеграции, лежащая в основе современного представления о национальном государстве. Хотя это и не вполне очевидно — особенно в странах, которые все чаще называют себя плюралистическими, многообразными или мультикультурными, — но эта парадигма проявлялась в официальной политике интеграции различных стран, которые в последние годы занимались решением вопросов постиммиграционной политики. На уровне политики понятие интеграции и его синонимов (включение, инкорпорирование, ассимиляция и т. д.), по сути, охватывает все механизмы и структуры, нацеленные на воспроизводство (национальной) социальной сплоченности или солидарности, несмотря на классовые, этнические и иные различия. Как будет мной показано, его перенос в область иммиграции представляет собой просто недавнюю адаптацию сложившихся представлений о социальном включении, отработанных на процессах нациестроительства в прошлом. Многочисленные области политики могут быть связаны с этим понятием: от образования, гражданского воспитания и культуры до социальной политики, экономического перераспределения, политического участия или правопорядка. И, как правило, именно в этих областях политики национальные государства не видели никакой пользы или необходимости в объединении подходов на наднациональном уровне.

Так или иначе, Европейский Союз и его институты старательно отстраивались от большинства областей политики, связанных с постиммиграционной интеграцией. Во многом это обусловлено тем, что лишь часть из них связана с центральными вопросами построения рынка, на которых покоится легитимность ЕС (исключение здесь составляет политика регионального и городского развития, которая в некоторых случаях оказывала косвенное влияние на проведение политики в отношении трущоб, в которых проживают иммигранты). Тесная связь между суверенитетом национального государства и интеграцией вовсе не случайна. В основе идеи политики интеграции лежит более глубокое социально-теоретическое представление о националистической «социальной интеграции» (культурно единого, территориально ограниченного и исторически укорененного понятия общества), которое в современном мире нашло свое воплощение в совре-

менной же идее национального государства. Иными словами, национальные государства считаются социально сплоченными и исторически преемственными в том, что можно назвать «любительской» социальной теорией или *философией* интеграции, которая сочетает своеобразную функционалистскую социальную теорию того, что именно объединяет нации, с нормативной политической философией, которая описывает нацию на языке абстрактных гражданских ценностей (обычно гражданства). Постиммиграционная политика сегодня переводит такие распространенные представления о нации в конкретные политические формы.

Как это происходило исторически, прекрасно описано различными учеными, показавшими, что историческое приручение миграции и мобильности совпало с окончательным оформлением современного национального государства. Современные европейские национальные государства сформировались благодаря представлениям о гражданстве и институционализации социальной замкнутости, связанной с появлением патерналистского государства всеобщего благосостояния и массовых армий в конце XIX века (Торреу 1999; Вгубакер 1992). Поэтому идентичность нации во многом была связана с определением того, кто оставался вовне, как иностранец, и того, кто принадлежал к нации и мог быть превращен в полноправного члена общества: гражданина *à part entière*. В некоторых случаях этот процесс интеграции касался иммигрантов — например, польской и итальянской рабочей силы во Франции, — но этот процесс был важен для интеграции всех периферийных или проблематичных членов нации: региональных меньшинств, конфликтных рабочих классов или бесправных женщин. Эта знакомая маршалловская история лежала в основе основ для всех более поздних идей интеграции, которые прилагались к новому, еще более «чужому» населению. Отсюда центральное значение в идеях интеграции национализующей по своей сути политики и практики в таких областях, как культура, образование, язык и так далее. Кроме того, условия приведения иммигрантской чужеродности или инаковости в соответствие с нацией оставались националистическими по своей ориентации, даже будучи приправленными идеологией мультикультурализма.

Такое описание членства в нации встречается во всех европейских национальных государствах, независимо от поверхностных различий, нередко проводимых между так называемыми этнокультурными, республиканскими, плюралистическими или мультикультурными нациями, и различий в их иммиграционной политике. За исключением немногочисленных

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЕГО
ИНСТИТУТЫ СТАРАТЕЛЬНО
ОТСТРАНЯЛИСЬ ОТ БОЛЬШИН-
СТВА ОБЛАСТЕЙ ПОЛИТИКИ,
СВЯЗАННЫХ С ПОСТИММИ-
ГРАЦИОННОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ

«космополитических» исследователей и активистов, почти все политики, национальные средства массовой информации и национальные публичные фигуры во всех современных национальных государствах ориентируются, прежде всего, на членов «нации». Даже в самых плюралистических нациях, вроде Швейцарии или Бельгии, в публичных дискуссиях всегда присутствует представление о необходимости социальной интеграции нации, стоящее за политически плюралистическими структурами: иначе они не были бы (по-прежнему) национальными государствами. В любом случае это крайние примеры европейской модели нации, которая в других случаях оказывается куда менее хрупкой. При более внимательном рассмотрении выясняется, что так называемые «мультикультурные» нации, наподобие Великобритании, Швеции или Нидерландов, придерживаются крайне националистических представлений о пределах отстаиваемого ими «мультикультурализма» как чего-то охватываемого, ограничиваемого и создаваемого историческим национальным государством. Они оказываются куда ближе к осознанно унитарным традициям Франции или Германии, которые рассматривают свои нации в республиканских/универсалистских или (иногда) в этнокультурных терминах. Национальные государства (хотя бы в своей «оригинальной» европейской версии) рассматривают себя в этих крайне функционалистских терминах, выказывая общее, ограниченное и укорененное представление об интеграции, когда интеграция вновь прибывших служит тем самым идеальным типом социальной замкнутости, к которому стремятся все идеологии нации и гражданства. Дюркгеймовское республиканство, обычно замечаемое только в его самой откровенной форме в идеологиях французского гражданства (см., напр.: Schnapper 1989), на самом деле присутствует во всех практиках интеграции современных стран. Даже в эпоху подозрительного отношения к государству и заметного урезания его полномочий в символическом вопросе преодоления культурных и этнических различий, создаваемых иммиграцией, национальное государство остается главной и, в сущности, единственной доступной моделью социального единства и социального порядка.

Европейскую иммиграционную политику послевоенной эпохи, таким образом, следует понимать как развертывание сложившихся стратегий нациестроительства в постколониальную эпоху (о Британии и Франции см.: Favell 1998; см. также: Vanton 2001). Новые иммигранты из колоний или гастарбайтеры со временем становились постоянными жителями, которые должны были быть так или иначе интегрированы в существующее общество. Иногда этот вопрос обсуждался в республиканских терминах, иногда в терминах нового «мультикультурализма в одной нации», но в каждом национальном случае считалось, что национальное государство способно будет поглотить вновь прибывших и заново изобрести себя в качестве включающего государства. Старые процессы интеграции периферийных областей и проблемного населения со временем были адаптированы к иммигрантам со всеми сопутствующими противоречиями и трудностями. Первоначальные расизм или враждебность по отношению к иммигрантам на всем

континенте медленно, но верно сменились верностью «интеграции» (хотя и обсуждавшейся в различных терминах — от ассимиляции через включение и инкорпорирование до мультикультурализма и плюрализма) взамен на готовность мигрантов подвергнуться зачастую принудительной ренационализации. Наиболее проблемными иммигрантами считались те, что отстаивали иные культуры и ценности перед нацией, в отличие от расово иных меньшинств, постепенно получавшие все большее признание по мере своей социализации в доминирующие национальные ценности и представления. Иммигранты, таким образом, играли решающую символическую роль в самоутверждении национальных государств, которые в противном случае, как считалось, неизбежно должны были пережить национальный упадок перед лицом глобализации.

Таким образом, мигранты и новые меньшинства стали основным полем битвы в продолжающейся борьбе за нациестроительство, борьбе между национальными политическими элитами за контроль над представлением об исторической национальной идентичности. Представив интеграцию иммигрантов в качестве еще одного свидетельства жизнеспособности политических культур европейских наций, более прогрессивным национальным политическим участникам удалось закрепить веру в государственно-центричное политическое действие, способное сдерживать и направлять в нужное русло опасные международные социальные силы, а именно — такое типично транснациональное и определяемое рынком явление как международная миграция. Понятие интеграции иммигрантов — и воображаемых нациестроительских свойств общества, способных совладать с феноменами международной свободы передвижения, — позволило государствам признать международные права и обязанности перед мигрантами, используя старые исторические нарративы сплоченности, единства и включающей силы нации.

Конечно, серьезный вызов этому в течение последних нескольких десятилетий представляли антииммигрантские выступления правых в ряде стран, зачастую открыто призывавших положить конец иммиграции. Но, сталкиваясь с необходимостью создания национального единства путем активной политики интеграции, антииммигрантская позиция в конечном итоге приводит к подрывному национализму (и национальной гордости), подчеркивающей неспособность государства обеспечить закрытость границ, репатриировать мигрантов или превратить их в добропорядочных граждан. Этот национализм заявляет, что национальное государство неспособно сохранить национальные ценности в школах или обеспечить преемственность национальной культуры, когда вновь прибывшие становятся необходимой частью сцены. Ни один истинный национализм не смиритсся с такой негативной оценкой способностей государства; и потому многие мейнстримные комментаторы в конце концов согласились с тем, что к присутствию иммигрантов следует относиться спокойнее и включать их в продолжающуюся политическую реконструкцию нации. Националисты требовали, чтобы государство предпринимало активные действия, хотя попытки масштабной репатриации во Франции и Германии в 1970-х годах потерпели

провал. Со временем политики пришли к более прагматичным способам включения своего иммигрантского населения, теперь считавшегося «благом» — в смысле «благом для нации».

Именно поэтому прогрессивные силы, выступающие в защиту иммигрантов, никогда не формулируют свои политические требования в постнациональных терминах, поскольку это вновь означало бы признание неэффективности национального государства как формирующей общество силы, и вместо этого предпочитают использовать язык включения, интеграции, даже мультикультурализма и многообразия для пересмотра национальной идентичности. Вообще благодаря их усилиям, а также готовности мейнстрима согласиться с более открытой формой интеграции, были сформулированы и более открытые, как правило, «универсалистские» видения нации в мире. Это было не слишком трудно для некоторых европейских стран с давними «универсалистскими» колониальными традициями, особенно для Британии, Франции и Нидерландов, имевших немало владений по всему миру вплоть до эпохи деколонизации и возврата к первоначальным границам национальных государств. И вновь эти национальные государства куда более схожи в своей ориентации на нацию, чем может показаться на первый взгляд. И французская «республиканская ассимиляция», и британский «мультикультурализм» прекрасно уживаются вместе в общей нациецентричной вере, фундаментальной вере в интеграцию и уникальную способность национального государства/общества успешно принимать и поглощать иммигрантские меньшинства. Альтернативные, постнациональные видения мультикультурализма и транснационализма были куда менее привлекательными для национальных политических участников, которые не готовы отказаться от своего влияния. Вместо этого участники всегда искали способы согласования идей прав и признания иммигрантов с повторным утверждением необходимости в культурной и языковой адаптации иммигрантов к нормам и ценностям нации.

Британские политики в 1960-х — 1970-х годах первыми сформулировали представления о «среднем пути» интеграции в таких терминах. После многих лет национальных дискуссий о расе и мультикультурализме эти старые идеи вновь всплыли в многочисленных недавних заявлениях и размышлениях о политике интеграции новых потоков беженцев. В то же время на протяжении большей части 1980-х годов во французской политике интеграция обсуждалась ровно в тех же терминах, переформулировав рабочее определение интеграции, культурно многообразной нации, объединяемой вокруг знакомых исторических ценностей; исключая концепция национальной культуры больше не считалось предпочтительной для французского нациестроительства, если не считать крайне правых. В 1990-х — начале 2000-х годов попытки определения национальной «модели» интеграции были предприняты правительствами и независимыми комиссиями в Дании, Швеции, Германии, Нидерландах, Испании и Италии, которые во многом повторяли одни и те же дебаты (об этих дебатах и их связи с изменением научных концепций см.: Favell 2001a, 2003).

Здесь важную роль играет привлекательность парадигмы интеграции в обыденном языке, независимо от действительной способности национальных государств восстановить национальную сплоченность, на которую нацелена политика интеграции. Крайне сомнительно, что национальные государства сегодня или когда-либо в прошлом способны были совершить такой прекрасный подвиг сознательного самосозидания. Социальная интеграция, даже само понятие «общества», вполне могло быть функционалистской иллюзией, скрывающей конфликты, противоречия и разломы за поддерживающей нацию идеологией, все более архаичной во фрагментированном современном мире. Вопреки этой риторике, европейские национальные государства куда менее ограничены и едины, чем утверждают наиболее выдающиеся политики и публичные интеллектуалы. Мир действительно преодолевает нацию и выходит за рамки национального суверенитета. Но политика иммиграции — и, следовательно, основные условия постиммиграционной политики — остаются прочно связанными с нациоцентричными идиомами, ограничивая пространство, в котором транснациональные или международные аспекты отношений иммигрантов и принимающих стран могут получить политическое признание. Политики, чиновники и публичные интеллектуалы выступают на национальной арене, и они постоянно закрепляют в общественном мнении — и умах самих иммигрантов, — что внутренний фронт — это место, где проводится постиммиграционная политика.

И хотя мои рассуждения здесь подкрепляются только европейскими примерами, вовсе не очевидно, что новые иммиграционные страны, в конечном итоге, менее подвержены функционалистскому воспроизводству нации или национальной государственности политиками, СМИ и общественными участниками. На самом деле нет более «замкнутого», более убежденного в ограниченном, внутреннем характере своей иммиграционной политики и, прежде всего, неуместности постнационализма национального государства, чем Соединенные Штаты Америки, при всех их мнимых мультикультурализме и иммигрантском многообразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эти рассуждения подводят нас к парадоксальному выводу. Многие наши социологические открытия показывают, что глобальное / транснациональное измерение может оказывать большее влияние на социальные отношения в западных обществах, что, конечно, неизбежно снижает их способность осуществлять суверенитет над ограниченными, едиными территориями и населением. И все же сама постановка проблемы иммиграции и иммиграционной политики, особенно интеграции иммигрантов, остается связанной главным образом с государством и зависимой от нациоцентричных представлений участников об иммиграции и интеграции. И это справедливо для всех европейских национальных государств, независимо от многочисленных внешних различий между их республиканским, этно-

культурным, плюралистическим или мультикультуралистским окрасом. Иммигранты и этнические меньшинства представляют наиболее бедное население и потому особенно уязвимы для нациестроительских действий государств, которые предлагают включение только на условиях успешной национализации. И, конечно, многие наиболее очевидные возможности подлинно постнационального образа жизни – индивидуальные действия вне пределов национальных государств – во многом связаны с классовой принадлежностью и привилегированным западным национальным происхождением и недоступны для находящихся в незавидном положении бесправных беженцев или неимущих мигрантов (Бауман 2004).

Но даже здесь я бы предостерег от любых преждевременных заявлений об отмирании национального государства. В небрежном признании беспроблемной глобальной или постнациональной природы самих международных элит недооценивается продолжающаяся среди элит интенсивная борьба за сохраняющееся превосходство национального в любом определении социальной власти. Имеется немало свидетельств того, что нередко старые нациецентричные элиты приспосабливаются к вызовам глобальной мобильности, не поддаваясь постнациональным космополитам и гарантируя усиление национальной замкнутости и социальной закрытости и власти, которую она дает. Мое собственное исследование «средних» профессиональных мигрантов, пытающихся извлечь выгоду из соглашений о свободе передвижения в ЕС, показывает, что даже при таких крайне привлекательных правовых условиях путь к «нормальной» жизни и карьере в иностранных «глобальных» городах совсем непросто в сравнении с более привычными национальными путями к социальной мобильности (Favell 2001b).

Ни это эмпирическое возражение, ни отсутствие проблем с интеграцией иммигрантов в ограниченных областях компетенции, которой обладает ЕС в иммиграционной политике, не пугают глобалистов и постнационалистов. Они сделали ряд опрометчивых и в некоторых случаях ложных заявлений об интернационализации иммиграционной политики на волне увлечения глобализацией ведущими учеными середины – конца 1990-х годов. Конечно, предстоит изучить еще множество эмпирических вопросов, но подтверждения интернационализации пока еще слишком слабы, и нациецентричный взгляд на политику иммиграции, по-видимому, сохраняет свое значение. Контекст национального государства, конечно же, служит первой остановкой для всякого исследователя, стремящегося найти объяснение развития и изменения иммиграционной политики в Европе и других местах.

Литература

- Бауман, Зигмунт 2004 *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Москва: Весь Мир.
- Banton, Michael 2001 «National Integration in France and Britain,» *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27: 151–168.
- Brubaker, Rogers 1992 *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge: Harvard University Press.

- Danese, Gaia 1998 «The European transnational collective action of migrants: the case of Italy and Spain,» *Journal of Ethnic and Migration Studies* 24 (4): 715–734.
- Favell, Adrian 1998 *Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain*. London: Macmillan/New York: St. Martin's Press.
- Favell, Adrian 2000 «Bruxelles: capitale européenne au coeur d'un état-nation éclaté,» *Panoramiques* (4ème trimestre) 49: 110–115.
- Favell, Adrian 2001a «Integration Policy and Integration Research in Europe: a Review and Critique,» in *Citizenship Today: Global Perspectives and Practices*, T. Alexander Aleinikoff and Doug Klusmeyer (eds.). Washington, DC: Brookings Institution/Carnegie Endowment for International Peace, 349–399.
- Favell, Adrian 2001b «Multicultural nation-building: 'integration' as public philosophy and research paradigm in Western Europe,» *Swiss Journal of Political Science* 7 (2): 116–124.
- Favell 2003 «Integration Nations: the Nation-State and Research on Immigrants in Western Europe,» *Comparative Social Research*, 22: 13–42.
- Favell, Adrian and Andrew Geddes 2000 «Immigration and European Integration: New Opportunities for Transnational Political Mobilisation?» in *Challenging Ethnic Relations Politics in Europe: Comparative and Transnational Perspectives*, Ruud Koopmans and Paul Statham (eds.). Oxford: Oxford University Press, 407–428.
- Freeman, Gary 1995 «Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States,» *International Migration Review* 29 (4): 881–902.
- Freeman, Gary 1998 «The Decline of Sovereignty? Politics and Immigration Restriction in Liberal States,» in *Challenge to the Nation-State: Immigration in Western Europe and the United States*, Christian Joppke (ed.). London: Oxford University Press, 86–108.
- Giugni, Marco and Florence Passy 2000 «Life-spheres Networks and Sustained Participation in Social Movements. A Phenomenological Approach to Political Commitment,» *Sociological Forum* 15: 117–144.
- Giugni, Marco and Florence Passy 2002 «Entre post-nationalisme et néo-institutionnalisme: La structuration des débats publics en Suisse dans le domaine de l'immigration et des relations ethniques,» *Revue Suisse de Science Politique* 8: 21–52.
- Guiraudon, Virginie 2000 «European Integration and Migration Policy: Vertical Policy-making as Venue Shopping,» *Journal of Common Market Studies* 38 (2): 249–269.
- Guiraudon, Virginie and Gallya Lahav 2000 «A Reappraisal of the State Sovereignty Debate: The Case of Migration Control,» *Comparative Political Studies* 33 (2): 163–195.
- Hollifield, James 1992 *Immigrants, Markets, and States: The Political Economy of Postwar Europe*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jacobson, David 1996 *Rights across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship*. Baltimore: Johns Hopkins University Press
- Joppke, Christian (ed.) 1998a *Challenge to the Nation-State*. Oxford: Oxford University Press.
- Joppke, Christian 1998b «Asylum and State Sovereignty,» *Comparative Political Studies* 30 (3): 259–298.
- Kastoryano, Riva 1997 *La France, l'Allemagne et leurs immigrés: négocier l'identité*. Paris: Masson et Armand Colin Editeurs.
- Kastoryano, Riva 1998 «Transnational Participation and Citizenship: Immigrants in the European Union,» *Transnational Communities Working Paper Series*. Oxford University.
- Koopmans, Ruud and Paul Statham 1999 «Ethnic and Civic Conceptions of Nationhood and the Differential Success of the Extreme Right in Germany and Italy,» in *How Social Movements Matter*. Marco Giugni, Doug McAdam and Charles Tilly (eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 225–251.
- Koopmans, Ruud and Paul Statham (eds.) 2000 *Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics: Comparative European Perspectives*. Oxford: Oxford University Press.
- Meyer, John, John Boli, George Thomas and Franco Ramirez 1997 «World Society and the Nation State,» *American Journal of Sociology* 103: 144–181.
- Milward, Alan 1992 *The European Rescue of the Nation-State*. London: Routledge.
- Moravcsik, Andrew (ed.) 1998 *Centralization or Fragmentation? Europe Facing the Challenges of Deepening, Diversity and Democracy*. New York: Council on Foreign Relations.
- Portes, Alejandro 1996 «Transnational Communities: Their Emergence and Their Significance in the Con-

- temporary World-System,' in *Latin America in the World Economy*, R.P.Korzeniewicz and W.C.Smith (eds.). Westport, CN: Greenwood Press.
- Sassen, Saskia 1991. *The Global City*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sassen, Saskia 1996 *Transnational Economies and National Migration Policies*. Amsterdam: Institute for Migration and Ethnic Studies, University of Amsterdam.
- Schnapper, Dominique 1989 «La nation, les droits de la nationalité et l'Europe,» *Revue européenne de migrations internationales* 5 (1): 33-46.
- Soysal, Yasemin 1993 «Immigration and the Emerging European Polity,» in *Making Policy in Europe: The Europeanification of National Policy-Making*, Svein S.Anderson, and Kjell A.Eliassen (eds.). London: Sage.
- Soysal, Yasemin 1994 *Limits of Citizenship: Migrants and Post-National Membership in Europe*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Tarrow, Sidney 1998 *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. New York: Cambridge University Press.
- Torpey, John 1999 *The Invention of the Passport*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Перевод с английского Артема Смирнова